

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е70

*Составитель серии Андрей Геласимов
В оформлении обложки использован рисунок Александра Шевченко*

Еремеева Д.

Е70 Родственные души : [сборник]. — М.: ИД «Городец»,
2020. — 320 с. — (Серия «Ковчег»).

Сборник рассказов «Родственные души» привлечет внимание как любителей легкой юмористической прозы, так и тех, кто соскучился по старому доброму психологическому реализму. Короткие истории первой части сборника, пусть и озаглавленной «Легкие рассказы», не так уж и легкомысленны, они затрагивают болезненные вопросы нашей повседневной жизни. Герои рассказов второй части, названной «Простые рассказы», — актер, медсестра, переводчик, историк, журналист, музыкант, филолог, клерк, рыбак, учитель — ищут то, что в конечном итоге ищем мы все: спасения от одиночества. И спасение возможно, если посчастливится найти в нашем жестоком, но все-таки прекрасном мире хотя бы одну «родственную душу». Поиски эти описаны наблюдательным автором со знанием жизни и людей и, что главное, освещены теплым светом гуманизма — таким редким в нашей теперешней литературе.

ISBN 978-5-907220-58-4

© Д. Еремеева, 2020
© ИД «Городец», 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Легкие рассказы

Звезды говорят

— Я — топ, — представился мой будущий работодатель и погрузился в пышное кожаное кресло (кресло охнуло), — так что лишнего времени у меня нет. Английский мне нужен срочно. Главное — практика, я считаю. A cup of coffee?

— Yes, please.

— Ульяна, кофе, коньяк, сливки! Может, шампанского?

Я отказалась, потому что во хмелю делаюсь доверчивой. К тому же 10 утра...

— Ты ведь знаешь, как переводится с английского «топ»? — спросил топ, виртуозно переходя «на ты» и заодно проверяя мои знания.

— Вершина. Самый верх...

Он по-орлиному повел плечами и вытянул шею.

— Вершина вершине рознь. Но когда ты топ-менеджер нефтяной компании, то топ — это реально топ. — Он выдержал мхатовскую паузу. Я почтительно опустила глаза.

— Sugar? — Я кивнула.

— Ульяна! С сахаром! И кокос принеси.

— Коконат, — сказала я.

— Что?

— Коконат. Кокос.

— Понял. Андерстенд.

Начиналась история так: «Требуется дипломированный преподаватель английского. График работы свободный. Оплата по договоренности». Что-то робко предостерегало меня, пищало о подвохе. Интуиция, наверное. Говорят, у женщин она еще не до конца замещена разумом. Но я питаю слабость к словосочетанию — свободный график, так что воображение, разыгравшись, оттеснило безумную старушку-интуицию в темный угол. Мне показалось, будто рука судьбы уже простерлась надо мной и вот-вот погладит по голове.

Вошла секретарша, и в эту минуту даже начинающий карьеру карманник мог бы вытащить кошелек у меня из сумки, а каково же приходится мужьям, когда они несут зарплату своим женам, а на пути у них появляется такая Ульяна? Даже не верилось, что это дивное существо способно просто так ходить этими нечеловеческими ногами по улицам, говорить простые слова этими шелковыми губами. Такая зашкаливающая красота просто опасна для окружающих. Но, любуясь секретаршей, я забыла описать главного героя. Он был в кожаных брюках, клетчатой рубашке и сапогах «какаручу киллер» с длинными носами, какими во времена золотой лихорадки ковбои давили тараканов в углах пивных. Не красивый, а, скорее, видный человек. Точнее, даже не видный, а выдавший виды. Помятый, одним словом.

Теперь вообразите кабинет топа.

Очень просторный. Пахло сигарами, кожей и кофе. Мраморный купидончик, подогнув под себя ножку, сидел меж двух окон на постаменте и показывал на меня пальчиком. Глубоко посаженными черными пуговками внимательно и оценивающе смотрели на меня четыре пухлых кресла. Рыжий кожаный диван с залысинами самоуверенным видом неуловимо походил на своего хозяина. Со стен зловеще улыбались африканские маски. На огромном столе топа теснились антикварные мелочи: пепельница-русалка, чернильница-пушка и бумагодержатель — увесистая женская

грудь (наверное, подарок друга детства, с которым топ впервые рассматривал эротические фотографии, а затем линии их жизней разошлись и скрестились где-нибудь в холле пятизвездочного отеля на Мальдивах).

Антикварный столик неспешными стараниями Ульяны постепенно застраивался целым микрорайоном еды. Я протянула топу диплом, учебники и паспорт. Документы он просмотрел, а учебники отодвинул.

— Нет, этого не нужно. Ульяна, где сливки? Короче, схема такая. Ты приходишь утром и ждешь в приемной у секретаря. Там есть компьютер, зеркало, журналы, кофемашина, интернет. Как только у меня выпадает перерыв в работе, я нажимаю на кнопку, тыходишь и минут пять-десять говоришь со мной по-английски.

— Как же я за пять минут объясню вам фонетику, правила...

— Никаких правил. Я буду учить на лету. Ульяна, принеси шоколаду. Горячего. Очень шоколаду хочется.

— А если у вас целый день не окажется перерывов, я так и просижу...

— Иногда ты будешь заниматься со мной английским в лифте и в машине, в пробках. Короче, в свободные минуты.

Ноги мои осторожно выползли из-под стола, готовясь унести меня отсюда. Заметив это, топ хохотнул.

— Не, то, о чем ты подумала — это совсем другая вакансия! От тебя требуется английский и только английский. — И назвал сумму зарплаты, которая заставила меня задуматься.

Воображение опять разыгралось. Я уже представляла, как, отсидев тюремные полгода в приемной, увольняюсь и еще полгода трачу заработанные деньги, валяясь в соломенной шляпке на пляжах с томиком Бунина и развивая интуицию путем чтения мыслей поклонников на расстоянии.

— Мне нужно немного подумать...

— Подумай в приемной. Заодно освоишься на новом рабочем месте. Ульяна, опять лимон не принесла? Ну что с тобой делать!

В приемной сидели двое и играли в шахматы. Они тут же оставили игру и разговорились со мной. Худощавый жилистый господин холерического типа (психолог) и крупная миловидная девушка с большими руками (массажистка). Они работали здесь на тех же удивительных условиях, что были предложены мне. То есть забежали в кабинет и через пять-десять минут выбегали оттуда.

— В нашем полку прибыло! — сказал психолог, позитивно улыбаясь, и протянул мне листочек. — Это тест. Босс попросил вас протестировать. Отвечайте, не задумываясь. Первое, что придет в голову.

Вопросы делали честь воображению составителя:

1. Бойтесь ли вы находиться долгое время в замкнутом пространстве, например, в лифте, в шкафу?
2. Какие чувства вызывает у вас вид милицмейских наручников (нужное подчеркнуть): страх, удивление, радость.
3. Как часто вы болеете и чем?
4. Верная ли вы жена?

Вопросов было так много, они были столь разнообразными, что невольно думалось, не служил ли составитель в советское время где-нибудь на Лубянке. Наконец я протянула психологу ответы, он сделал пометки, вызвал Ульяну, и она унесла бумажку, обдав нас фиалковым ароматом.

На стене приемной в пышной золоченой раме висела картина, очень романтическая: печальный голый юноша, грациозно избоchenясь, устремил отрешенный взгляд на болото с лилиями. Голубоватое тело юноши призывало сравнить его с голубоватыми же лилиями и подумать о бренности жизни. Я от скуки стала думать как раз об этом, когда открылась входная дверь и в приемную с улицы вбежал красивый чернявый парень в блестящем плаще и с такими же блестящими, тревожными глазами. Он наскоро поздоровался, метнул плащ на вешалку, нервно стукнул в дверь к начальнику и влетел туда.

— Наш астролог, — пояснила массажистка, с почтением глядя ему вслед, — припоздал сегодня, волнуется. Обычно приходит каждое утро раньше всех, составляет прогноз на день. Советник и любимец босса.

— Звездный мальчик! — скаламбурил психолог и ободряюще мне подмигнул.

Прошло еще несколько томительных минут, и наконец меня вызвали в кабинет. Астролог сидел на диване со значительным видом, притворяясь, что листает журнал. Топ вкушал серебряной ложечкой густой горячий шоколад из пиалы.

— К сожалению, не могу тебя взять, — сказал он, облизывая ложку.

— Я не прошла тест?

— Не в том дело. Мне тут сообщили, что сегодня неблагоприятный день для важных начинаний. К тому же мы не сработаемся. Ты ведь Рыба, так? А я Лев. Вода огонь тушит. Конфликты неизбежны. Извини уж.

Я собрала учебники, вышла в приемную, попрощалась с массажисткой и психологом (оба проводили меня участливыми взглядами) и пошла домой, размышляя о том, что интуиция, конечно, интуицией, воображение воображением, но все в этом мире умолкает, когда говорят звезды.

Фуршетники и сидельники

Вы замечали, что одно из любимых занятий современного человека — деление других людей на две категории? На москволюбов и питеролюбов, толстовцев и Достоевцев, блондинкофилов и брюнеткофилов... Сидят, допустим, у подъезда бабушки в куртках и тапочках, и одна говорит, что она прирожденная кошатница, а сын у нее убежденный собачник. Вторая уточняет: «Собачник? Значит, жаворонок? А то как же просыпаться-то?» — «Он самый, а я так совой и помру», — отвечает старушка и гладит кошку клюкой. А над старушками на балконе стоит интеллеktуал средних лет в тренировочных штанах, покуривает элегантно сигариллу и думает: «Есть две категории людей...» Но нам он важен по другой причине: недавно он позвал меня на выставку актуального французского художника. Я актуальных художников не совсем понимаю, ибо не пришло мое время, а может, уже не понимаю, ибо мое время ушло, но на этого художника я пошла: иногда приятно уступить натиску интеллеktуала — владельца балкона, сигариллы и тренировочных штанов.

К тому же посещение современных выставок не затрагивает чувства, но будит мысль. А мою мысль необходимо будить, как спящую собаку, иначе она и не гавкнет ни разу. И еще: чем хуже

выставка, тем очаровательнее ее концепция. Французский художник выразил концепцию просто. Он рассказал в микрофон, что, как только приехал в Россию, сразу понял: матрешка — это стереотип. И решил его сломать. Недолго думая, он разрубил стереотип на две половинки (отчего матрешка в продольно-рассеченном виде стала напоминать вложенные друг в друга саркофаги) и выставил по углам экспозиции. Кроме разрубленных стереотипов там были цветные тазики, улыбающийся череп и муляж человечка с медицинскими трубками отовсюду. Куратор сказала, что в жизни не встречала такого обаятельного черепа, что трубки, торчащие из муляжа, — это больное человечество, а матрешка символизирует бесконечность.

Как только концепция стала ясна, сделалось скучно. Я бродила туда-сюда, пару раз задела ногой пластмассовые тазики, чей сдвиг в пространстве не повлиял на общую композицию. И вот в недрах выставочного брожения родилась моя теория. Я вспоминала не художественные, а литературные фуршететы, на которых мне доводилось бывать чаще, и сделала вывод, что люди делятся на фуршетников и посидельников.

Фуршетники, как ясно из названия, чувствуют себя на фуршетах и приемах как рыбы в воде. Они в этих водах плавают годами и всегда хорошо выглядят, разве что немного примелькаются. Но не зря говорят, что отличительной особенностью стиля являются повторы, а если так, то повторяющееся мелькание на фуршетах создает стиль. У настоящих фуршетников уверенный голос, зоркий взгляд с широким охватом, ловкие движения. Они не стыдятся первыми подойти к столу, игриво подцепить вилочкой грибочек и отправить в рот. Потом взять тарелку побольше и наполнить всем чем бог послал. Тем временем посидельники жмутся в задах и терпеливо ждут, когда толпа закусывающих поредеет. Наконец они все же подбираются бочком к столу, но видят лишь увядшие маринованные огурчики и сиротливый последний бутерброд. Пока посидельники раздумывают, насколько прилично

взять это последнее, бутерброд не глядя хватает кто-нибудь другой. Посидельник довольствуется томатным соком (все остальное выпито) и идет искать кого-нибудь поинтереснее, чтобы увлечь в гости или в ближайшее заведение для посиделок. Вообще истинный посидельник ходит на фуршетны ради того, чтобы кого-то уговорить уйти оттуда. В этом занятии он очень азартен, он готов раскошелиться, готов даже заодно с друзьями накормить известного халявщика и его свежепойманную подружку. Нет, иногда он пытается воспитать в себе светскость. К тому же есть такой мотив, как голод. Он может заставить посидельника проявить активность и пробиться к столу, но фуршетная еда не приносит истинной радости, это не более чем банальное насыщение. Он вообще не любит есть стоя, ведь для этого нужно минимум четыре руки. Одноразовая тарелка доставляет неприятности своей малой прочностью, и, пока в голове у посидельника крутится строчка: «Но тарелки вьются-вьются, а Федоре не даются», к нему подбегает приятель-фуршетник с ошеломительной сплетней о том, что восходящая литературная звезда спит с выпускающим редактором. Посидельник хватается за пуговицу и старается эту новость развить, провести параллели, чтобы удержать знакомого при себе. Фуршетник, однако, боится, что люди начнут расходиться, а он не всех рассмотрел и не со всеми словечком перемолвился. Он говорит «я сейчас» и исчезает. Посидельник вздыхает, проходит мимо влиятельной дамы, мимо хорошенькой студентки, косящей глазом на папика в джинсах, кроссовках и полосатом пиджаке (типичного фуршетника); мимо старого писателя, с которым говорить в такой суете лень, лучше позвонить потом; выходит на воздух и по дороге домой думает, что неплохо в выходные прихватить из дома на дачу гитару, если Савелий-археолог пообещает быть. С неизбывным наслаждением посидельник вспоминает прошлогодний юбилей Савелия, когда гуляли всю ночь. Под утро у трех ближайших друзей — посидельников со стажем — вдруг как в добрые юные времена, словно свитки,

развернулись души, и признаниям и клятвам не было конца. Справедливости ради, гармония душ была поколеблена ударом наотмашь и криком «что бы ты понимал в моей жизни!» Но зачинающийся спор был укрощен, и градус откровенности искупил все, даже выбитый зуб хозяина...

Пока посидельник предается воспоминаниям, фуршетник остается до последней блондинки, до последнего нужного человека или собирает оставшихся фуршетников, нужных людей и блондинок в кучку и требует продолжения банкета. Если банкет продолжать невозможно, зал опустел, хмурые уборщицы толкаются боками, то фуршетник не вешает нос, а заходит в ближайшую кафешку, зная, что там давно окопались посидельники. Выпивает с ними, но за неимением достаточных визуальных впечатлений (два-три неизвестных прозаика, одна красивая, но трезвая чужая жена) начинает позевывать и спешит откланяться. Он бежит на другой фуршет. Между тем посидельники облегченно вздыхают, обсуждают падение нравов, сетуют, что все измельчало, даже водка уже не та, однако каждый тост воспринимают с воодушевлением и лихим выпиванием оной.

Влюбленный эйчар

Dear Olga!

Я твердо уверен, что Вы удивитесь, когда внезапно прочтете этот мейл. Ведь я новый человек в вашей крепко спаянной, эффективной команде, я, так сказать, для вас кот в мешке. Мое письмо к Вам не преследует цели личной и карьерной выгоды из-за вашей job position и эффектной внешности. О нет. Если вы проявите горячее желание ответить мне — я буду безмерно благодарен Вам. В связи с моей застенчивостью я не пользовался пока что очевидным успехом у женщин, но я упорно работаю над этим и твердо уверен, что все получится. Нужно верить в себя и не опускать руки! Вы яркая Женщина и обладаете всеми необходимыми Условиями для привлечения пристального Внимания к Вам мужчин. Я с детства имел мечту всей моей жизни. И вот она осуществилась: я работаю в крупнейшей международной корпорации. Я долго и упорно шел к этому, проделав непростой и тернистый путь, и вот я являюсь помощником эйчар-менеджера и всей душой верю, что товарооборот в нашей компании увеличится за счет улучшения работы эйчар-отдела и привлечения кадров, нацеленных на успех, карьерный и личностный рост. Таких, как Вы, кадров, Ольга. Я озвучиваю мои чувства к Вам лишь частично, не буду их детально прописывать,

к тому же Вам нетрудно догадаться о них, анализируя мое поведение, а оно Вам наверняка уже бросилось в Ваши Глаза. Я долго не решался написать, но в результате двух-трех бессонных ночей понял, что испытываю к Вам большое и светлое, я бы даже сказал страстное, не боюсь этого слова — чувство. Любовь движет солнце и светило, как сказал Александр Пушкин — величайший поэт современности.

Пока, Ольга. Я желаю Вам крепкого здоровья, финансового благополучия, бодрости духа, карьерного роста, успеха в делах и оставаться такой же сексапильной (шутка).

Эльдар.

* * *

Спасибки за любовный реквест, Эльдар. Если не хочешь обозлить гену, не пиши вот это вот все на рабочее мыло, его мониторят, и ты не получишь халявный абонемент в фитнес-клуб, если гене доложат, что отрываешься от работы. Дедлайн типа. Тут в пятницу будет тим-билдинг, в боулинге, если ты ин, то отпишись. Там и поговорим за кружкой пива за жизнь, а сейчас у меня преза зависла, до вечера надо сделать.

ЗЫ: когда ты отправлял свой эпикфейл, то забыл убрать сиси, и твой мессидж отправился не мне одной, а всей рассылке. В ней 30 человек стаффа — весь отдел, короче. Заметил, как утром они на тебя смотрели? Они все теперь брейнштормят типа: что это вообще было? И офигевают. Считай, что тебе еще повезло, а то тут один секретарше нашей свою фотку в голом виде приаттачил — а мимо как раз зам гены проходил. Парень уволен. Кстати, в этой рассылке, которая теперь в курсе твоих чувств, три Ольги. Одна бухгалтерша 50-летняя, вторая секретарша гены и его любовница — это я просто предупреждаю на всякий. Я-то поняла, что это мне письмо, помню твои испепеляющие взгляды из дальнего угла, но эти двое тоже могут подумать, ю ноу. Что поделаешь — джобиздан, это надо пережить. Но ты держись, не отчаивайся.

Я понимаю, ты был в эйфории оттого, что тебя взяли к нам на хороший корм, и ты теперь крутой жених, но не забудь, что взяли на испытанку. Дам тебе маленький аккуртный эдвайс. Ты сначала войди в тему, научись с компом обращаться адекватно, а потом уже пиши любовные письма, окей? И бросай свои провинциальные штучки: я к вам пишу, чего же боле. В качалку лучше иди, солнце и светило. Смайл.

Пока,
Оля.

* * *

Простите, Ольга, но это не вам было письмо.

С уважением,
Эльдар.

* * *

Блин, так, значит, секретарше гены? Ну тогда ты уволен. Прости, но это моя работа. Печалька.

* * *

Добрый день, Ольга!

Нет, вы ошиблись. Мое письмо было адресовано не секретарю генерального директора. И не вам. Я на всякий случай поставил сейчас СС на всю нашу вышеизложенную переписку, чтобы наш коллектив ознакомился с неправомерными угрозами, которые вы предоставили мне, причинив мне серьезный моральный ущерб, и принял соответствующие меры.

С искренним уважением и надеждой на взаимное понимание,
Эльдар.

Прялка

В 1995 году Джон Бедфорд — доктор искусствоведения, профессор, автор нескольких книг о русском деревянном зодчестве, получил из России электронное письмо следующего содержания:

«Многоуважаемый г-н профессор! К Вам обращается директор краеведческого музея заповедного Энского края. В Вашей книге «Особенности геометрического орнамента северной русской прялки и русский революционный авангард» упоминается уникальная прялка XVI века, из нашего музея. Мы рады сообщить Вам, что благодаря упомянутой Вами прялке администрация Энска подарила нам компьютер и связанную с ним электронную почту. Благодарим Вас за интерес, проявленный к уникальному экспонату! Наш музей рад предложить Вам любую помощь в дальнейших изысканиях!

Хочется также обрадовать Вас и тем, что помимо прялки у нас хранится уникальная цельнодолбленная люлька с фрагментами орнамента, напоминающего прялочный. Есть все основания предположить, что эти два предмета создавались парно и одним и тем же мастером.

*С надеждой на дальнейшее сотрудничество,
Директор Энского областного краеведческого музея
Пряхов, Павел Петрович».*

Прабабушка Джона Бедфорда была русской дворянкой, и Джон не просто любил русскую старину, но и хорошо говорил по-русски. Он тут же написал ответ.

«Дорогой господин Пряхов!

Сердечно благодарю Вас за письмо! Я не был в России с времени Брежнев и мечтал бывать у вас и видеть, что изменилось после устранения Советского Союза. Не скрою, движет и профессиональный интерес. Хотелось бы увидеть, наконец, в очи сокровище прялку! Люлька также возбуждала большое любопытство у меня. Будьте очень добры, напишите, как долго идет путь к вам из Москвы и где я мог бы остановиться.

*С уважением,
Джон».*

Бедфорд взволнованно пошарил по карманам, нашел пачку сигарет и вышел покурить на крыльцо. Россия! Это можно оформить в рамках его академического гранта как командировку-экспедицию и действительно увидеть прялку и люльку. Еще более взволнованный, Джон вернулся в кабинет и с удивлением обнаружил новое письмо от Пряхова.

«Уважаемый профессор Бедфорд!

Вот как полезны информационные новшества в деле спасения старины! Наши сотрудники уже месяц как осваивают компьютерную грамотность и всемирную сеть Интернет.

Итак, как к нам добраться. Музей наш расположен в бывшей усадьбе князей Мушкиных. Это в 250 километрах от Москвы, в 50 километрах от Энска и 20 километрах от Коселков. Поезд идет к нам из Москвы не через Энск, где нет железной дороги, а через узловую станцию Ухино, по дороге в другой город — Макушкин. То есть сначала Вам надо ехать на Макушкин, но, не доезжая до него, сойти в Ухине. Там нужно пересесть на электричку, идущую на Букин, но сойти, опять же, не в самом городе, а на станции Коселки. Обязательно спросите в кассе — какая

электричка на Букин останавливается в Коселках, они далеко не все там останавливаются. Сидя в поезде, слушайте очень внимательно — машинист говорит неразборчиво. Если не поймете, что он говорит, — спросите у попутчиков. В Коселках Вы должны выйти из последнего вагона, пройти по тропинке в лесу, идущей перпендикулярно движению поезда (голову покройте головным убором, нынче сезон клещей, уже зарегистрировано несколько случаев энцефалита, а медицинская помощь теперь сами понимаете какая! В переломный момент живем!). Пройдя минут 15 по подлеску (Вы вскоре почувствуете запах жареных пончиков — ориентируйтесь по нему), Вы увидите перед собой небольшой автовокзал и киоск, где сможете купить воды и сигарет. Пирожки, чебуреки и пончики я покупать не советую, наш дворник Вася однажды рискнул и сильнейшим образом отравился. Разливное пиво и квас тоже брать не стоит. Лучше мы угостим Вас натуральной смородиновой настойкой (с наших музейных кустов). Если очень проголодаетесь, купите арахис в пакетиках или сникерс, но они дорогие — заразы. Впрочем, Вы себе сможете позволить, я уверен».

Профессор Бедфорд оторвался от письма и посмотрел в потолок, что-то словно пытаясь вообразить. Он мотнул головой и продолжил чтение:

«На автовокзале Вы, скорее всего, обнаружите, что автобусов нет, они ходят нерегулярно (бастуют, а что поделаешь, людям тоже жить хочется!). Вам нужен автобус номер 2, но лучше возьмите частника, это быстрее. Пытайтесь найти пожилого человека с добрым лицом и говорить кратко, чтобы водитель не распознал акцента, а то задержат цену. Бомбилы — они такие хапуги! Торгуйтесь до трех тысяч. На Ваши деньги это около двух долларов. У нас тут инфляция, цены очень быстро меняются. Скажите таксисту, что Вам нужно ехать до поворота на Макушкин. Дальше все равно никто не повезет, там дорога непроезжая. Выходите на повороте и пройдите пешком по свежему воздуху около тридцати минут. Обязательно возьмите зонт

и резиновые сапоги, иначе в дождь не проберетесь! Можно срезать путь и пройти через лес, но не советую. У нас там беспокойно бывает, карьер рядом, и в нем купаются разные, скажем так, преступные элементы. Зона неподалеку дает о себе знать. Можно пройти через заброшенную свиноферму, но, опять же, если нет дождя, иначе увязнете. Когда-то она работала, а теперь остался только навоз. И еще там сейчас стихийная свалка слева, поэтому держитесь правой стороны».

Профессор Бедфорд испуганно окинул взглядом свой кабинет, уставленный аккуратными книжными полками, пощипал бороду, протер покрасневшие от напряжения глаза и продолжил чтение:

«Итак, Вы идете прямо, затем направо вдоль речки, вверх по течению пять минут, и Вы увидите открывающуюся перед Вами обширную залитую весенним солнцем поляну и неотреставрированное, увы, но все еще сохранившее дореволюционное обаяние деревянное здание бывшей усадьбы князей Мушкиных. Вы на месте!»

Профессор Бедфорд шумно выдохнул, потянулся к пустой чашке кофе, заглянул в нее и отставил в сторону, похлопал себя по карману с сигаретами, но вытаскивать пачку не стал и продолжил чтение:

«Калитка не закрывается, Вы пройдете спокойно, а в дом нужно стучать погромче и подольше. Наша смотрительница Надежда Ивановна (она живет в музее) глуховата и может не услышать с первого раза. Не стесняйтесь стучать ногами! Я лично использую кочергу — стучу ею по водопроводной трубе. Кочерга стоит справа от двери, рядом с венником. Наш музей работает два раза в неделю, во вторник и четверг. Последний четверг месяца — санитарный день. Связано это с малым числом посетителей и небольшим штатом. Да и (между нами говоря) кто будет работать всю неделю за зарплату, которой едва хватает на дорогу и на чай с баранками (без сахара). Дожили, как говорится. Перемен,

так сказать, требуют наши сердца, как сейчас модно говорить. Впрочем, Вам этого не понять, да и не нужно. Все мы приезжаем сюда из Коселков и из Ухина, а фондовик Ольга Олеговна из самого Энска, поэтому можем опоздать в связи с постоянными забастовками транспортников, о которых я уже упоминал. Такое нынче время! Даже такси для Вас заказать — дело для музея непосильное. У нас и личных автомобилей нет, какие автомобили в такое время поганое. Поэтому, если Вы придете первым, можете подождать в коридорчике на диване, Надежда Ивановна предложит Вам чаю. У нее давление, она бывает не в духе. Не обижайтесь на старушку, она стояла у истоков создания музея и прекрасный специалист в своем деле. Если она откажется открывать Вам дверь, скажите, что Вы от меня. Я ее предупрежу о Вашем визите, но она может и позабыть (старость не радость)! Обязательно вытрите ноги тщательно и так, чтобы она заметила — это важно для нее! Не пугайтесь, если во дворе музея Вы увидите выпившего человека с опухшим красным лицом и руками в саדיнах. Это Вася — наш дворник. Его вид не слишком выдающийся, и взгляд у него тяжелый, но он незаменимый работник, умелец на все руки. Без него наша коллекция не пережила бы перестройку — столько он предотвратил потопов и пожаров, сами понимаете. Дом-то старый. Вася бездомный и живет тоже в нашем музее. Представляясь ему, умоляю и заклинаю — не говорите, что Вы американец, назовитесь англичанином, а лучше — ирландцем. Иначе Вася может наговорить Вам грубостей или даже толкнуть в грудь! Дело в том, что его жена сделалась челноком, потом обманом продала его квартиру в Ухине и сбежала в Америку. Такое время пошло, что тут прибавить! Вася с тех пор ненавидит Америку и говорит, что может голыми руками любого янки задушить. Это он шутит, но, боюсь, Вам будет это не очень приятно слышать. Мы тут всем штатом скрываем от него факт переписки с Вами.

Ну прощайте, дорогой коллега!

Я надеюсь, мы вскоре увидимся! Я сейчас отбываю на три дня на конференцию в Эн-Эмск, но оставил Ваш адрес моим коллегам на случай, если у Вас возникнут дополнительные вопросы! Пока что у нас один на всех электронный адрес, но пусть это Вас не смущает.

Р. S. Ах да! Прихватите фонарик помощнее! Он пригодится Вам в лесу (если поздно приедете), а еще у нас, бывает, отключают электричество (наш край сейчас, как Вы знаете, перешел на экономное потребление, что поделаешь, кризис, время такое поганое), окна музея заколочены (необходимая мера против воров), а на улицу прялку выносить категорически запрещает наш фондовик Ольга Олеговна (Вы ее любите, она истинный хранитель старины, даже фотографировать прялку не разрешает), потому единственный шанс рассмотреть без электричества — при свете нескольких фонариков».

Профессор Бедфорд перечитал письмо и задумался. Он распечатал письмо на принтере, затем достал карту России и попытался найти бывшую усадьбу Мушкиных или хотя бы поворот на Макушкин, но не преуспел. Перечитав письмо еще раз, он почувствовал волнение и голод. Он вышел в кафе, съел ланч и, вернувшись домой, обнаружил в почте еще два письма из музея. Оба с адреса Пряхова.

«Многоуважаемый профессор Бедфорд! Я Ольга Олеговна — фондовик музея. Павел Петрович разрешил нам переписываться с Вами в случае необходимости, и я спешу воспользоваться этим. Хочется доложить о плачевном состоянии здания нашего музея и знаменитой на весь мир (благодаря вашей статье) прялки. Я писала в иностранные фонды, но безрезультатно. Влажность и перепады температур (у нас выключают электричество) грозят прялке гибелью. Реставрацию нам обещали провести, но кроме нее нужны и условия хранения. Если у Вас есть связи или хоть какая-то возможность помочь жемчужине северной росписи — мы просим Вас об этом. И пожалуйста, напишите о визите заранее, мне необходимо быть в этот день на рабочем месте, чтобы обеспечить Вам просмотр прялки, не нарушая правил хранения.

Р. S. Я восхищена Вашей статьей! Вот только датировка смущает — Вы на 30 лет состарили нашу прялку. Во втором абзаце Вы, видимо, имели в виду каргопольские тона, а не дымковские. Есть

в статье ряд и иных недочетов, впрочем, обсудим это при встрече, которой очень жду. Приезжайте, Вас восхитит наша девственная природа. Скоро пойдут грибы, а это любимейшее занятие наших коллег, привезете в Америку сушеных белых грибов! Они легкие, хранятся хорошо, если правильно хранить — Вам их надолго хватит! Можно также сходить на рыбалку. Наш сторож Вася заядлый рыбак. Он человек непростой, но, если найти ключик к его душе, — он покажет Вам такие рыбные места, что и не снились в Америке. Возьмите плащ с собой, у нас бывают сильные грозы.

С огромным уважением и симпатией,
Ольга Олеговна Смекалина».

Следующее письмо было с английским приветствием.

«Dear Prof. Bedford!

Я аспирант-искусствовед Михаил Завгородний, а проше — Майкл, прохожу в этом музее практику. Возможно, Вас заинтересует моя кандидатская «Западные влияния на российские северные орнаменты на примере прялок». Нельзя ли с этой темой выйти на грант? И не могли бы Вы мне сделать вызов на конференцию? За счет приглашающей стороны. В этой стране наука никому не нужна, и молодым пробиться невозможно. Вся надежда на Соединенные Штаты Америки. Как выжить молодому ученому, когда его творческая мысль лежит тяжким грузом в душе, похороненной в этом захолустье! Сделайте мне вызов на конференцию, и я расскажу всю правду о положении прялок и искусствоведения в постсоветской России! Я готов поступить к Вам на учебу, если Вы предоставите мне такую возможность и стипендию.

Надеюсь также и на личную встречу, готов доставить Вас в наш музей от станции на автомобиле моего близкого друга — депутата поселкового совета. Только известите заранее о приезде!

С уважением,
Михаил Завгородний».

Только профессор Бедфорд закончил читать письмо аспиранта и собрался пойти покурить, как еще два коротких, странных сообщения пришли все с того же адреса Пряхова.

*«Хеллоу профессор ботфорт пишу вам надежда ивановна, я еще ненаучилась по этим клавишам хочу сказать всю правду о новом строе выродки. развалили союз, страна гибнет зарплату директору нашему не платят уже четыре месяца на что жить на пенсию не купишь ничего обращайся к коммунистической партии Америки передайте им пролетарии — не бросайте в беду нас! Нас купили. это позор для коммунизма
мышка заводного подлеца не захотел помочь мне печатать это.....
письму сбегал но я попрошу у вас двоюродного брата //он поможет чтобы дошло до вас наша новая власть воры так и передайте. С уважением героиня социалистического труда надежда ивановна метелина——».*

Профессор Бедфорд закрыл глаза, откинулся на спинку кресла, открыл глаза и посмотрел в потолок. В этот момент электронная почта снова пискнула, и на экране появилось новое письмо из музея от имени Пряхова:

«Янкигоухоум. Вася».

Я развожусь!

— Я развожусь, Дарья.

Коля — мой старый друг, и когда он называет меня не Даша, а Дарья, то дело серьезное. Вид у него был утомленный, из-под капюшона на лоб уныло свисали мокрые волосы. Он все еще не снял куртку, хотя мы уже успели заказать кофе. За окном кафе лил сплошной дождь, ветер раскачивал голые ветки чахлой городской липы. Коля, глядя исподлобья на эти ветви, собирал силы для исповеди. Во мне боролись удивление и любопытство.

— Что случилось?

— Ничего. Я знаю, ты сразу подумала, что она мне изменила. Нет. Насколько я знаю. Да и времени у нее на это нет.

Я, каюсь, и правда так подумала. Колина жена удивительно красивая, моложе его, следит за собой. Голос, походка, стрижка, каблучки, духи... Все идеально.

— Зачем разводиться? Что за причуды? Вы еще молодые, только пять лет вместе, — начала я изрекать очевидное, ведь нужно что-то говорить, когда человек в таком состоянии. — Юля твоя — красавица, и при этом не изменяет, что же еще нужно? Ребенку четыре года всего, квартира своя...

— Эти пять лет были самыми тяжелыми в моей жизни, Дарья. Невыносимыми... Начать хоть с квартиры... Юля же риелтор,

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Легкие рассказы.....	3
Звезды говорят	5
Фуриетники и посидельники.....	10
Влюбленный эйчар.....	14
Прялка	17
Я развожусь!	25
Осознанная личность	32
Психоаналитики.....	37
Поститься постом приятным	47
Разборчивая невеста	52
Гоша	60
Семейная реликвия.....	65
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Простые рассказы.....	69
Герой-любовник	71
Двое	77
Поросенок	80
Жена гения.....	86
Переводчик	94
Педагоги	103
Сестры.....	116
Острие.....	134
Письмо	155
Собачница.....	176
Исповедь	184
Курба	208
Рыбаки	212
Шаль	217
Счастливые супруги	221
Борода.....	229
Маленькую	241
Огурцы	244
Черная Роза	252
Родственные души	275
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Доброе дело. Шутка в четырех действиях	293